

Морпех Паша/ новелла

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Морпех Паша/ новелла МОРПЕХ ПАША

И Камрань, военно-морскую базу во Вьетнаме, мы оставляли, как тараканы грязный стол при внезапно включенном свете. И у берегов Сомали мы в лежку лежали на большой океанской волне. И по самолетам Моше Даяна долбили ракетами с Асуанской плотины. Это все Кузнецов знал и без Паши.

А Вадька Дедулов, афганец и чеченец, майор, сказал прямо:

– Да кагебешник он, твой Паша, потому что шибко обаятельный!

Кузнецов знал и то, что кагебешнику, то есть ныне феесбешнику, с него взять было нечего – государственных тайн он не имел, золота из экспедиций не привозил, а тот материал, что привозил, был уникален только лишь для археологической науки, да и то только в свете научной теории самого Кузнецова. Но Паша впрямь был обаятельным и даже чуть больше, чем обаятельным. Он знал все и даже чуть больше, чем все. С Вадькой Дедуловым они в самых подробностях обсосали Лашкаргахские окрестности, где Вадька полтора года кушал дыни с изюмом, за что имеет Красную Звезду и нервные припадки после контузии. С матроной Эн, кузнецовской пассией, Паша забрел в такие кущи какой-то там разновидности йоги, что Кузнецов спросил, не в Индии ли вместо Афгана был Паша. На это Паша с присущим ему обаянием ответил, что был и там, и там. Кузнецов снова спросил, как же, де, он, морпех, оказался в Лашкаргахе. Для тех, кто не сможет найти этот город на карте, следует пояснить, что этот город находится на юго-западе Афганистана недалеко от Кандагара, в пустыне. Кстати, и о том, как наши летчики бежали в тысяча девятьсот девяносто шестом году из кандагарского плена на захваченном самолете, Паша тоже рассказал в подробностях, так как тот аэродром превосходно помнил.

Ну, так вот, на вопрос, как Паша, будучи морпехом, оказался в Лашкаргахе, Паша ответил:

– Ты в армии служил?

– Два года после университета командовал взводом на Курилах! – сказал Кузнецов.

– И у вас там был порядок в части? – спросил Паша.

– Когда кета шла! – сказал Кузнецов.

– Ну вот видишь! – сказал Паша.

И Кузнецов понял, что Паша знает и про то, что в период браконьерского лова лосося в гарнизонах Дальневосточного округа наступает полный порядок, остальное же время обычно, как и везде в армии, характеризуется словом «бардак», которое давно уже считается синонимом слову «норма». К сему Кузнецов оценил несколько вполне профессиональных суждений Паши и по его, кузнецовской, теме. А Вадька Дедулов сказал, что сам в Афгане видел морячков с Тихоокеанского флота.

Потому, игнорируя все прочие мелочи, навроде тех, что местный губернатор принимает свои решения не иначе как только с согласия местной мафии, о чем Паша, конечно, знал во всех тонкостях, приходится сказать – знания Паши вызвали в археоложке, то есть археологической лаборатории, удивление.

Собственно, и само появление Паши было тоже удивительным. Вбежал он в археоложку загорелый, седоусый, красивый, сунул с головы черную вязаную шапочку в карман черной дорогой куртки, протянул крепкую открытую ладонь:

– Володя, привет! – и через паузу: – Не узнаешь? Правда, не узнаешь? Я Паша. Помнишь, мы с Андреем Смирновым и телевиденьем к тебе на раскоп приезжали?

Кузнецов, как всякий молчаливый человек, сказал прямо:

– Андрея помню, а вас нет!

– Да у тебя раскоп был в... – назвал Паша точнейшее место и время пребывания Кузнецова со своей экспедицией лет пять назад и через паузу прибавил: – Мы с Андреем тебе коньяк привезли, а ты спирт выставил!

– Коньяк с Андреем помню, а вас нет! – снова сказал Кузнецов.

– Ну, фрагмент стены у тебя тогда хорошо вырисовался. Все кричали: научное открытие, научное открытие! – а ты никого на километр к ней не подпускал, кричал, что все к черту обвалят, и тогда ты лично всех лопатой перебьешь и под этой стеной

закопаешь для будущих археологов!

— И это помню, а вас нет! — удивился Кузнецов своему беспамятству, а потом спохватился: — Да ладно, проходите, садитесь, гостем будете!

А через неделю ежедневного общения, когда Паша обаял всю археоложку, Кузнецов деликатно спросил его, кто же он все-таки по роду занятий.

— Ну да! — улыбнулся Паша. — Вы все думаете, я феесбешник. А я простой отставной морпех, подполковник, сейчас курирую от министерства обороны кое-какие местные производства. И, кстати, — он обвел взором лабораторию, — могу за бесценок достать сюда новейшую оргтехнику в любом количестве и наборе. У меня на таможне работает бывший сослуживец.

Кузнецов слышал, что таможня задерживает и потом распродает совершенно качественный товар, документы которого оформлены неправильно. Но деньги в лаборатории были только на зарплату и он, как молчаливый человек, опять об этом сказал прямо.

— Володя! — вскричал Паша. — Я ведь не век здесь буду! Командировка закончится, и я уеду к себе в Москву. Не надо упускать такой случай! — Паша сорвался из лаборатории и вернулся через час с бумагой: — Вот!

Кузнецов поглядел в бумагу и впечатлился. За копеечные деньги Паша мог превратить археоложку в нечто похожее на американский центр космических исследований.

— Н-да! — сказал он и криво усмехнулся на свое безденежье: — Ты, Паша, романтик!

— Конечно, романтик! — обиделся Паша в том смысле, что связался с бестолковыми людьми.

Кузнецову стало стыдно. Стыд тотчас перерос в обиду на университет, не финансирующий лабораторию, на самого себя, не умеющего найти деньги помимо университетских. Стыд перерос в обиду и на Пашу, заставившему Кузнецова испытать свою никчемность в этом плане. И в подавление этого сложного чувства Кузнецов вынул из сейфа остаток своей зарплаты.

— Ну вот! — посветлел Паша. — Я прибавлю — и хоть компьютер у тебя будет!

Он ушел и на следующий день пришел смущенный:

– Подождешь два дня? Отправил он все в продажу. Я ему: да ты чо! – А он: ну достали меня! Через два дня будет.

– Конечно, подожду! – снова испытал стыд Кузнецов.

– Через два дня точно будет! – заверил Паша и вдруг как бы даже озарился, как бы даже осветил неким сияньем археоложку: – А постой-ка, Володя! – и схватил с пояса мобильник, которого у Кузнецова тоже не было. Схватил, потыкал в него пальцем и спросил кого-то, назвав Санькой, будет ли тот Санька сейчас на месте, ибо Паша сейчас к нему прикатит.

И Паша укатил. И прикатил он на другой день с вестью, что Санька, Александр Иванович и родной брат Паши, богатейший человек, в качестве безвозмездной помощи отстегивает археоложке пятьдесят тысяч, правда, не баксов, то есть не долларов, а всего лишь наших пятьдесят тысяч рублей, так сказать, деревянных.

– Я ему говорю, отстегивай баксов. А он стал жадный. Я ему столько всего сделал. Он у меня в долгу по уши. Но, нет, говорит, пусть пока деревянным твоя археология обрадуется! Давай, Володя, банковский счет. Он тебе перегонит. Я с него не слезу! – сказал Паша.

Кузнецов подумал, не разыгрывает ли его Паша, и стал отнекиваться, мол, да ладно, спасибо, не надо, проживем и так, заработаем сами, вот и новый договор на раскопки готовится.

– Да давай счет! – слегка рассердился Паша. – Давай скорее, пока этот жлоб не передумал. У них, у жлобов, это запросто! Давай!

И Паша опять укатил. И опять прикатил во всем сиянии.

– Пусть-ка не переведет! Я ему устрою встречу героев из Камрани. Ты знаешь, как нас встречали из Камрани? Ночью загнали в какой-то док типа гальян и хоть бы одного поганого прапорщика береговой службы выделили! Хочешь – выгружайся на берег своими силами, хочешь – сразу топись. Никому никакого дела нет, – в возбужденном сиянии кружил по археоложке Паша и прибавлял, что брата своего поделить денежкой он заставит.

Кузнецов занял до зарплаты, и всей археоложкой по такому поводу превосходно взгудели. Как в России положено, не хватило. Кузнецов занял еще, а потом выложил последние Вадька

Дедулов. А потом Кузнецов с Пашей пошли в забегаловку на угол.
– Пусть только, жлобина, не переведет! Он в казино каждый вечер по пятерке проигрывает, по пяти тысяч баксов! А тут какие-то деревянные! Переведет! Он мне во как обязан! – говорил Паша.

И опять Кузнецову было стыдно за свое вот такое убожество, за свою законченную бездарность, когда кто-то себе позволяет каждый день проигрывать полтора-два тысяч рублей, а он не может обеспечить свою археоложку даже самым минимумом, из-за чего она походит на избу приказного дьяка какого-нибудь там семнадцатого века.

В забегаловке они сели с водкой за столик, и к ним вскоре от соседнего столика пришла с бутылкой шампанского красивая и явно очень сильная молодая женщина. И только она села к ним за столик, как появился грязный, едва не в струпьях, мальчонка.

– Дайте на хлебушек, пожалуйста! – стал кланяться он.

– Пойди, пойди! – сказал Паша, а Кузнецов молча отвел глаза.

Соседка же, эта молодая красивая и явно сильная женщина, уцепила мальчонку за рукав.

– Ты, правда, есть хочешь или кланяешься деньги для кого-то? – строго спросила она и, когда тот подтвердил, что просит на хлеб, купила ему ворох бутербродов и колу. А потом показала на Кузнецова: – Я за вами минут десять смотрю. Из вас вот он настоящий мужик!

Паша на секунду вспыхнул. Но тут же взял себя в руки.

– Этот? – потрепал он Кузнецова по плечу. – Этот – да!

Молодая женщина потянулась к нему со стаканом:

– Будь всегда мужиком!

– Буду, буду! – хотел буркнуть Кузнецов и вдруг вспомнил, что в это время у него было назначено свидание с матроной Эн, его пассией. – Паша! – вскричал Кузнецов и удрал к себе в археоложку в надежде, что матрона Эн его там еще ждет.

Матрона Эн его уже не ждала. Кузнецов отыскал ее по телефону, объяснил причину своего невнимания, был тотчас прощен, и свидание их состоялось. Паша же пришел в следующий полдень, пришел несколько утомленный и озабоченный, как обычно приходят на работу мужчины, желающие намекнуть на проведение ночи не в

своей постели.

– И что? – спросил Кузнецов.

– Переночевал, – сказал Паша. – Оказалась мастером спорта по плаванию! – а потом сказал, что звонил брату и на таможеню: – Завтра все будет о’кей! Таможня в качестве неустойки коньяк ставит!

К концу рабочего дня он отвел Кузнецова в сторону:

– Послушай, Володя. Сейчас ко мне она придет. Хочу ее в кабак сводить – все-таки у нее переночевал. Давай вместе пойдем. Она просила. Говорит про тебя, мужик.

– Паша! – сказал Кузнецов. – Ты, наверно, не представляешь зарплату научных работников! Да и сейчас ко мне придет моя Эн.

– Ну, так вообще класс! – воскликнул Паша. – О деньгах не беспокойся. Я сегодня получил. Только вот о чем тебя попрошу. Нужно, чтобы в ресторане заплатил ты, как настоящий мужик. Ей будет вообще в кайф! – Паша протянул Кузнецову приличную пачку тысячных.

– Да ведь мне с тобой никогда не расплатиться! – испугался Кузнецов.

И Паше пришлось не мало потрудиться, применить все свое обаяние, чтобы доказать Кузнецову совершеннейшую невинность его затей.

– Не переживай. На самом деле деньги мои. Я сегодня получил зарплату. Заплатишь, сколько нужно, а остальные отдашь мне. Я вас с Эн приглашаю! – говорил Паша.

Наконец Кузнецов сдался. Он подумал, что в условиях, когда Паша ради него уговорил жлоба брата кинуть ему, Кузнецову, такие деньги, на которые если и не удастся оборудовать в археоложке нечто вроде американского центра космических исследований, то вполне удастся купить приличный компьютер со всеми нужными причиндалами, он, Кузнецов, не имеет права отказать Паше в его просьбе.

И в ресторане, когда гарсон принес счет на какую-то там сумму тысяч с мелочью, Кузнецов неторопко полез в карман. Однако Паша подлинно оказался морпехом. Он вдруг неуловимым движением выложил на тарелочку со счетом всю сумму.

– А мы с Володей, договорились, сегодня я плачу, а в следующий

раз он! – сказал Паша со всем своим обаянием.

– Конечно, конечно! – в растерянности замямлил Кузнецов.

В гардеробе он пытался незаметно от женщин всучить Паше деньги обратно, но Паша, сделав страшные глаза, сказал, что потом.

– Ну, в самом деле, потом ты заплатишь, Володя! – сказал Паша.

А этого «потом» не случилось. К всеобщему удивлению, Паша больше к Кузнецову не пришел. И никаких денег от жлоба Пашиного брата, конечно, Кузнецов не дождался, как ничего не получил с таможни. Кстати, и с матроной Эн у Кузнецова со временем разладилось. Может быть, она думала о Кузнецове, как о богатом человеке, а потом увидела, что это не так. А может быть, наоборот, стала думать о нем, как об этаким болтателе по ресторанам, казино и черт те знает еще чего.

Через год позвонил Андрей Смирнов с телевидения и спросил, давно ли Кузнецов видел Пашу.

– Исчез год назад так же неожиданно, как и появился! – сказал Кузнецов.

– А как вы с ним познакомились? – спросил Андрей Смирнов, выслушал и в сердцах сказал: – Надо же, как во всех подробностях запомнил! Я ему как-то рассказывал про тебя и показал ту пленку! Ну, все запомнил! – и еще потом спросил, не брал ли Паша у Кузнецова деньги.

– Нет! – отчего-то соврал Кузнецов.

– А у меня взял пять тысяч долларов! – сказал Андрей Смирнов.

– Да не может быть! Он же морпех, подполковник! – вскричал Кузнецов, по своему опыту знающий, что при всем бардаке в армии денежные долги – это святое.

– Кто морпех, кто подполковник? – спросил Андрей Смирнов.

Кузнецов сразу посмотрел на Вадьку Дедулова, распаковывающего коробки с компьютерной техникой.

– Паша подполковник? – спросил Андрей Смирнов. – Да он же уволенный из органов следователь-лейтенантишка. Я о нем уже все справки навел. Он обыкновенный мошенник и объявлен в розыск!

Кузнецов снова посмотрел на Вадьку Дедулова. Это ведь он, прозорливец, увидел в Паше кагебешника, то есть нынче феесбешника, и под предлогом, что Паша этаким нестандартным

образом извинился и за брата, жлоба, и за таможенника, ну, и за всю феесбешную службу заодно, наконец-то уговорил Кузнецова хоть сколько-то вывести археоложку из семнадцатого века.

– Н-да! Офросиньица девка бела, волосьем богата, да нос-то кокореват! – после некоторого молчания сказал словами того же семнадцатого века Кузнецов.

– И что? – спросил Вадька.

– Запакывай. Повезем обратно! – сказал Кузнецов.

Об авторе: АРСЕН ТИТОВ

Родился в селе Старо-Базаново Бирского района Башкорстана. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета.

Автор романов, сборников новелл. Публиковался в изданиях «Наш современник», «Урал», «Дружба народов» и др. Лауреат премий «Ясная Поляна», Л.Н.Толстого, П.П.Бажова и др. Некаулар